

Имени Грибоедова

ТЕАТР имени Грибоедова, русский театр братской республики, расположенный в театральном городе рядом с сильнейшими драматическими коллективами Грузии — театрами имени Марджанишвили и Руставели... Хранит ли он в этом серьезном соревновании свою творческую самостоятельность или движется в орбите театрососедей по путям, ими проложенным? Как он дополняет общую картину развития сценического искусства в одной из крупнейших республик Союза ССР?

Театр открыл свои выступления в Москве «Грозным годом». Спектаклю нельзя отказать ни в слаженности, ни в серьезности; нельзя сказать также, что молодой режиссер А. Випман недостаточно проник в исторические документы эпохи, на которых построена пьеса А. Каллера. Но воздуха эпохи, ее романтики почти не ощущается в тбилиском спектакле.

И все же смотришь спектакль, знаешь его слабости и не можешь не радоваться многим его отдельным удачам. К. Мюфке в работе над образом В. И. Ленина удается достичь внешнего сходства и донести до зрителя многие ленинские черты. Мы видим в спектакле Ленина непреклонным и мягким, суровым и человечным. Вот мелькнули в короткой сцене характерные, любовно выписанные фигуры крестьян-ходоков; вот Ю. Шевчук в роли Ведущего своей внутренней чистотой и волнением захватил на мгновение зал... Как драгоценные камни, сверкают эти эпизоды в спектакле, заставляя и волнением ждать: что-то покажут нам грибоедовцы в следующих своих постановках.

Героическая драма В. Дарасели «Киквидзе» воссоздает на сцене образ грузинского Чапаева — легендарного командира Киквидзе. В этом спектакле есть единство дыхания, которого так не хватает «Грозному году». Суровый колорит времени, его просветленность и его пафос ощутимы здесь с первых же минут действия. Спектакль решен условно и в то же время правдиво. Режиссер М. Ольшаницкий и художник Е. Довдова умело и выразительно воспроизводят в нем степную даль и путаницу путей на железнодорожной станции, и грубые бревна намата над штабом дивизии, и поносившийся телеграфный столб над насыпью, изуродованной войной. Здесь есть люди, есть судьбы, которые волнуют; главное же — есть герой, которого горячо принимает зритель.

Дело даже не в том, что И. Русинов характеризует Киквидзе действительно всесторонне: в бою и на отдыхе, в порыве подвига и в тихих отчных раздумьях, в минуты веселья и тревожные, в действиях и в мечтах. Дело в том, что его Киквидзе — личность действительно самобытная и в своей легендарности человечная.

После «Киквидзе» многое становится ясным. Театр имени Грибоедова — это театр актера, театр строгих реалистических принципов, знающий цену ансамблю, но весьма уважительно относящийся к индивидуальному мастерству. В этом театре ценят живую и яркую характерность, броское искусство эпизода, умение передать на сцене национальный колорит. Здесь заботятся о чистоте русской речи, высоко ценят слово, хотя, чтоб оно было всегда выпуклым, многозначным. Это театр русской драмы в прямом и точном смысле этого большого понятия.

Это подтверждает и спектакль «Работочник» Н. Лескова в постановке главного режиссера театра Е. Брилли. Спектакль этот в хорошем смысле слова традиционен. Кажется, что именно так играли когда-то большие русские актеры, но в то же время это спектакль современный, спектакль «режиссерский». Ясность его замысла питает собой многообразные актерские удачи.

В спектакле встает Русь пореформенная, уездная, полупромышленно-полуфабричная, с глухими слухами о новых судах, готовящихся пресечь вопиющие купеческие беззакония. Но страшная сила — купеческий «мир». Там всегда

найдут способ поднять под себя закон, не побоятся прийти к благоденствию по костям человека. А рядом с людьми корысти, людьми расчета — честный и прямодушный Молчанов (белая ворона в купеческой стае) и простая женщина Марина Гуслярова. Не им суждено разбить эту купеческую твердыню; исторически они бессильны, но самой гибелью своей, тем, что, не сложенные, умирают, они заставляют в испуге отпрянуть тех, кто так спокойно было перешагнул через эти разбитые жизни.

В гневных порывах Молчанова — И. Русинова живет большая сила обвинения, но сам он при этом остается не героем. Нельзя забыть горячих глаз Молчанова, его лица, верного и детски-чистого, его способности вспыхивать и тут же угасать при виде зла, неостыжимого его уму, уму порядочного человека. Историзмом отмечена и работа других актеров. В ней нет модернизации, поисков «социального протеста» в ущерб субъективной правде образов. Герои этого спектакля, если и протестуют, то так, как делала это Катерина Островского, — самым фактом своей жизни и своей смерти.

Так гибнет самоотверженная и тихая Марина, предпочитая смерть компромиссу, отказу от своей любви. Н. Бурмистрова играет эту роль как большая актриса, как русская героиня в широком смысле. Исторически точно сыгран добрый и справедливый Калина (Д. Славия): его доброта пасует перед кастовой купеческой мудростью «одна на мир не чеботатки».

А на другой стороне — плотоядный, злобствующий Князев — А. Ермаков — душа купеческого беззакония; продажный шляхтич Минутка — И. Бросевич — олицетворение плути и страсти к плутне; ласкающая душушона Павлушка Челочек (И. Злобин). Все это взято социально крупно, сыграно зло и характерно.

Последний спектакль, показанный грибоедовцами во время декады, — «Хевишберги Гоча» — мало что прибавляет и обилку театра, но лишь укрепляет сложившееся о нем представление. Театр играет эти романтическую пьесу-легенду (режиссер Д. Антадзе) с должной степенью вкуса и, как всегда, правдиво: ему удается счастливо избежать ложного пафоса и декламационности. Нельзя не отметить работы А. Ермакова, который создал эпитетский образ старейшины Гочи, нельзя не позавидовать театру, сумевшему «выставить» в этом спектакле сразу трех молодых героев: мечтательно пыльного Омиса — Ю. Шевчука, сдержанного Гелу — В. Никифорова, веселого и преданного в дружбе Торкая — Н. Троянова. Спектакль звучит патристически, идея его благородна.

Есть высокий смысл в том, что в Тбилиси, городе прочных русско-грузинских связей, в окружении блестящих национальных коллективов живет и работает театр, носящий имя замечательного русского писателя и приверженный и русской сценической традиции. Как когда-то великая Ермолова замечательно играла Зейнеб в драме Сумбатова, оставаясь при этом русской актрисой, так Театр имени Грибоедова находит свое место в системе грузинского искусства, являясь живым свидетельством дружбы обоих народов.

З. ВЛАДИМИРОВА

И
Газета
Императорский
11.58.